

ЛЮБОВЬ • СТРАСТЬ • ИСПЫТАНИЯ

ПРОКЛЯТИЕ НАШИХ ЧУВСТВ

СЕЛЕСТА ДЕЛЬКРОА

Селеста Делькроа

Проклятие наших чувств

<https://litres.ru/74571798>

SelfPub; 2026

Аннотация

Там, где любовь — это риск, а счастье — почти преступление.

Рейнор привык бросать вызов системе: он не верит в правила, которые защищают сильных и ломают слабых. Айрин, напротив, знает эти правила наизусть — и именно поэтому боится их нарушить. Их пути пересекаются в момент, когда оба стоят на краю: она — перед выбором, который определит её судьбу, он — перед необходимостью сделать то, во что не верит. Между ними вспыхивает чувство, которое невозможно контролировать: оно ломает планы, рушит репутации и заставляет идти против всех. Но чем громче звучит голос долга и страха, тем крепче они держатся друг за друга. Любовь, которую нельзя назвать, становится их единственной правдой — и самым тяжёлым наказанием.

Содержание

Пролог	4
Г	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Селеста Делькроа

Проклятие наших чувств

Пролог

В Тенебрисе даже радость умела притворяться угрозой, но сегодня город не пытался лгать.

Стоял июнь. Мрачный северный центр, где вековые гранитные фасады привыкли отражать лишь свинцовое небо, впервые за долгие годы искупался в теплом свете. Солнце садилось неохотно: его длинные лучи позолотили шпили и карнизы. На улицах, обычно вымиравших после заката, гуляли люди. Вечер был дышащим, почти летним, и сладковатый запах цветущей омелы просачивался с бульваров даже в Верхний Город — к самому Собору Черного Камня. В предзакатном мгновении это строгое готическое здание больше не казалось зловещим — лишь древним и прекрасным.

Из витражных окон Собора, стоявшего на холме, лился мягкий янтарь. Внутри горели сотни свечей — живых, восковых, расставленных вдоль главного прохода и на подоконниках. Их пламя слегка трепетало от сквозняка, возникавшего каждый раз, когда массивные двери впускали новых гостей. Бордовый бархат на стенах украшали гирлянды из

свежих белых цветов, доставленных накануне из оранжерей Сильворы. Густой аромат воска и разогретого старого дерева смешивался с чистым запахом бутонов. Создавалось странное ощущение: Собор на один вечер забыл, для каких мрачных ритуалов был воздвигнут. По отполированным веками плитам скользили мягкие тени, в воздухе витал едковатый ладан, и этот контраст — старого и нового, тяжелого и невесомого — подчеркивал: сегодня в Тенебрисе рождается иная эпоха.

Селина Марн, В свои двадцать два года она воплощение противоречия: юная, бунтующая красота, выкованная в атмосфере многолетней семейной нелюбви. Высокая, статная, с тонким, но сильным силуэтом, она совершенно не вписывается в классические рамки покорных аристократических невест. В её осанке нет жеманства — лишь вызов и готовность в любой момент защищать своё достоинство. Главная гордость и одновременно раздражитель для её отца — густые, водопадом ниспадающие светло-золотые волосы. Селин принципиально отказывается укладывать их в сложные, душные причёски, предпочитая оставлять их полураспущенными или собирать в небрежные, но элегантные узлы. На фоне светлых локонов особенно выделяется её бледная, свежая кожа и яркие, непокорные **зелёные глаза** — цвета глубокого, необработанного изумруда. В их взгляде нет тени угодничества, лишь живой ум и готовность вспыхнуть упрямым

огнём. Выросшая под постоянным гнѐтом и презрением собственного отца, который так и не простил ей «неправильного» характера и несоответствия его ожиданиям, Селин научилась облекать свою обиду в броню из своенравия и острого ума. Её губы часто тронуты чуть саркастичной, дерзкой ухмылкой, а взгляд прям и открыт. Дочь главы клана Марн, шла к алтарю. На ней было платье современного, лаконичного кроя из плотной кремовой ткани. Серебряные нити шитья при свете свечей мерцали, точно лунная дорожка на воде. Никаких сковывающих корсетов — свободный, но подчеркивающий силуэт крой дарил не уязвимость, а чувство полной защиты. Из семейных драгоценностей Марнов на Селине остались только изящные бриллиантовые серьги. Всё остальное — слишком массивное, пыльное, давившее прошлым — она отвергла.

Чуть позади шла Мираэль — младшая сестра Торна, чьё присутствие приносит свет даже в самые мрачные залы их семейного поместья. Для Торна Мираэль — единственный человек, рядом с которым он позволяет себе сбросить маску жесткого наследника и быть настоящим. А для самой Мираэль Торн — главный защитник и ориентир, хотя она тяжело переживает тот холод и давление, в которых живёт её брат. В свои двадцать три года она выглядит как хрупкий фарфоровый бутон, ещё не успевший распуститься в холодном мире клановых войн и жесткой политики. Её главное внешнее

сходство с братом — это густые, безупречные тёмные волосы оттенка глубокого ночного угля. Она также высокого роста, с тонкой, изящной фигурой и плавными, мягкими движениями. Её кожа — светлая, персиковая, с едва заметным румянцем, а глаза — большие, выразительные, теплого карего оттенка с золотистыми искорками. В этих глазах нет места для холода или расчетливости: они смотрят на мир с искренним любопытством, эмпатией и глубокой, скрытой застенчивостью. В отличие от Торна, чья жизнь подчинена долгу перед кланом, Мираэль росла под защитой старшего брата, который всегда старался уберечь её от грязи и интриг высшего света. Отсюда её мягкий, чуткий характер, мечтательность и искреннее милосердие. Однако за её наивной внешностью кроется тихая, душевная стойкость: она не закатывает скандалов и не бунтует открыто, но обладает поразительной способностью сохранять доброту там, где остальные выстраивают стены из цинизма. Сегодня она так же была подругой детства и свидетельницей. В руках она держала букет из белых цветов и сухих трав: традиционный символ «вечной верности», собранный по древнему обычаю, но перехваченный простой льняной лентой. Мираэль то и дело украдкой бросала взгляды на Селину, будто опасаясь, что та вот-вот оступится или передумает. Но Селина шла ровно, с высоко поднятой головой. В ее глазах читалось не столько волнение, сколько глубокая, осознанная решимость.

— Ты прекрасна, — едва слышно шепнула Мираэль, чуть наклонившись.

Селина ответила микроскопическим кивком, не сводя глаз с Торна.

— Я не боюсь, — прошептала она в ответ. — Просто... странно всё это. Будто мы подписываем не свидетельство о браке, а договор о корпоративном слиянии.

Мираэль коротко тихо рассмеялась, тут же прикрыв губы ладонью:

— Для Тенебриса это, пожалуй, одно и то же.

У алтаря ждал Торн Вейн. Высокий, с осанкой человека, привыкшего повелевать по праву рождения, он воплощает в себе холодное благородство и скрытую угрозу. В тридцать три года в нём нет юношеской пылкости, но есть чеканная уверенность: каждое движение рассчитано, а жест преисполнен властности. Его лицо будто высечено из мрамора — резкие скулы, прямой волевой подбородок и тонкие губы, которые редко складываются в искреннюю улыбку. Всё внимание притягивают глаза: внимательные, вьедливые, цвета грозового неба. В их глубине читается незаурядный ум человека, с ранних лет обученного интригам, политическим играм и управлению многомиллионным состоянием. Едва замет-

ные морщинки в уголках глаз — следствие не смеха, а бесконечных ночных изучений отчетов и стратегий. Темные волосы безупречно уложены, но в них уже проглядывает едва заметная, элегантная серебряная седина на висках — молчаливое свидетельство груза ответственности, который он несёт за весь свой род. После недавнего инсульта отца-Архонта, он полностью взял управление кланом на себя и твердо держал узды власти. Но сегодня наследник отступил на второй план: Торн был просто искренне влюбленным мужчиной, чьи чувства встречали полную взаимность. И пусть этот брак оставался частью жесткого политического пакта между двумя исторически враждующими кланами, прежде всего он был союзом двух людей.

Высокий, статный, Торн стоял в строгом черном костюме и белоснежной рубашке с расстегнутым воротом — галстуки он ненавидел, и сегодня ему позволили остаться собой. На всегда сдержанном, суровом лице играла едва заметная полуулыбка. Но те, кто знал его давно, понимали: он глубинно, по-вейновски счастлив.

В первом ряду справа восседал Карус Вейн— глава великого клана, человек, чьё имя произносят с неизменным почетом и скрытым трепетом. В свои пятьдесят восемь лет он выглядит как воплощение непреклонной власти и суровой, железной воли. В нём нет ни капли сочувствия или сла-

бины — лишь точный, холодный расчет и абсолютная верность интересам своего рода. Внешне Карус — монументальная и внушительная фигура. Он высок, с широким разворотом плеч и жесткой, почти военной осанкой, не согнутой ни возрастом, ни тяжестью принимаемых решений. Черты его лица крупны и суровы: глубоко посаженные глаза цвета темного графита смотрят тяжёлым, пронизывающим насквозь взглядом. У него густые тёмные волосы с обильной стальной сединой, аккуратно зачесанные назад, и жесткая, волевая линия челюсти, которую он редко смягчает даже подобием улыбки. Каждая глубокая морщина на его лице — это след пережитых войн, предательств и удержанной в руках власти. Карус — патриарх старой закалки. Он убежден, что слабость — это единственный смертный грех. Сегодня он сидел не в кресле-троне, а на обычном деревянном стуле, но с настолько выверенной, стальной осанкой, что стул казался престолом. Впервые за долгое время Архонт обходился без трости, демонстративно показывая: в день свадьбы первенца он всё так же силен.

Рядом сидела Ли́ра Вейн — матриарх великого клана, женщина, чья тихая власть не уступает жесткому авторитету её мужа Каруса. В свои пятьдесят два года она сохраняет величественную, холодную красоту и безупречную грацию. Если Карус — это несокрушимый щит и клин клана, то Ли́ра — его тонкий, смертоносный яд и главный политический стра-

тег. Внешне Лира — воплощение аристократического величия. Она высока, с тонкой, осиной талией и идеальной осанкой, которую не способны согнуть никакие невзгоды. У неё бледная фарфоровая кожа, практически не тронутая возрастом, и выразительные, слегка раскосые глаза цвета жидкого янтаря, но у Леры совершенно недоступный взгляд. Её волосы — густые, иссиня-чёрные, как у Торна и Мираэль, но с элегантными серебряными прядями у висков, которые она гордо носит словно корону. Лира укладывает их в сложные, высокие причёски, подчеркивающие её длинную шею и подбородок, который она всегда держит чуть приподнятым. Лира росла в мире, где женщины правят из тени, и освоила это искусство в совершенстве. В отличие от прямолинейной суровости Каруса, Лира действует с помощью вежливых улыбок, полунамёков и безупречных манер. Она выковала из своего характера непробиваемую броню: никто и никогда не видел её потерявшей самообладание. К своим детям она относится с властной, требовательной любовью. Темно-синее платье строгого кроя украшала единственная деталь — серебряная брошь в виде паутины, древнего герба Вейнов. Её лицо оставалось непроницаемым, но взгляд потеплел, и она мягко накрыла своей ладонью руку мужа — жест нежности, который позволяла себе крайне редко. Лира — та, кто ведёт тонкую игру за спиной Каруса. Именно она срежиссировала союз Торна и Селин Марн, прекрасно понимая всю выгоду этой сделки, и именно она будет пристально следить за каж-

дым шагом своенравной невестки.

Тарисса — самая младшая из детей семейства Вейн, но в свои семнадцать лет она уже вызывает у окружающих не умиление, а скрытую тревогу. Унаследовав острый, расчетливый ум и хладнокровие матери Лиры, а также нетерпимую, бескомпромиссную жесткость отца Каруса, Тарисса стала опаснейшим сплавом лучших и самых темных черт своего рода. Внешне Тарисса — законченное воплощение породистой аристократии. Она стройна, с четко очерченными, словно высеченными из мрамора чертами лица. У неё те же густые, смоляно-чёрные волосы, что и у Торна с Мираэль, которые она предпочитает носить идеально гладкими — строго собранными в высокий хвост или ниспадающими по спине с зеркальным блеском. Её кожа — фарфорово-бледная, а глаза — холодные, графитово-серые, как у Каруса, но с добавлением материнского ледяного прищура. В ее взгляде нет ни юношеской наивности, ни сострадания: она смотрит на людей как на шахматные фигуры или ресурсы. В отличие от мягкой Мираэль, Тарисса с детства отказывалась от роли «слабой младшей сестры». Она рано поняла, как устроен мир ее семьи, и без колебаний приняла его правила. В нее невозможно найти уязвимое место: Тарисса не поддается эмоциям, мгновенно считывает чужие слабости и бьет по ним без тени сомнений. Если Торн вынужден балансировать между долгом и собственными чувствами, а Мираэль пыта-

ется сохранить человечность, то Тарисса абсолютно лишена внутренних терзаний. Для нее существует только сила, статус и безусловное доминирование их клана. Тарисса замерла по правую руку от родителей. Платье цвета спелой сливы, безупречная осанка и вежливая маска вместо эмоций. Она не выступала против этого брака, но и радости не испытывала. Для неё происходящее было лишь удачно оформленной сделкой. В семейной иерархии Тарисса — верный страж интересов рода. К Торну она относится с уважением как к будущему главе, но спуску не даст даже ему, если заметит слабинку. К будущей родственнице Селин Марн она настроена с моментальным подозрением: Тарисса слишком хорошо видит чужой бунт и готова применить всю свою жесткость, чтобы приструнить новую невесту брата при первой же ошибке.

Рейнор Вейн — средний сын семейства, чьё имя в высоких гостиных произносят либо с нервным смешком, либо с искренним вздохом облегчения. В свои двадцать девять лет он стал единственным из детей Каруса и Лиры, кто сумел сбежать от удушающего кланового долга, превратив статус «второго наследника» в абсолютную свободу. В семье давно махнули на него рукой и даже не пытаются вернуть к делам — и сам Рейнор от этого в полном, неопишемом восторге. Внешне Рейнор — наглядное доказательство того, что кровь Вейнов умеет не только замораживать, но и сжигать всё дотла. Высокий, поджарый и гибкий, он обладает той

естественной, хищной грацией, которая достаётся лишь тем, кто свободен от жестких корсетов этикета. У него те же фирменные смоляно-чёрные волосы, что и у брата с сёстрами, но Рейнор принципиально не зачёсывает их гладко: они вечно пребывают в живописном, намеренном беспорядке, падая на лоб и закрывая взъерошенные виски. Его кожа чуть более загорелая, чем у остальных бледных домочадцев, а глаза — ярко-янтарные, унаследованные от матери, но вместо холодного расчёта Лиры в них всегда горит дерзкий, азартный и слегка опасный огонёк. На его лице почти не переводятся две вещи: саркастичная, открытая ухмылка и легкая, трёхдневная щетина, с помощью которой он с особым удовольствием раздражает отца на редких семейных обедах. Характер Рейнора — это чистый бунт, обёрнутый в безупречное обаяние. Если Торн взял на себя груз ответственности, Мираэль — эмпатию, а Тарисса — хладнокровие, то Рейнору досталась неконтролируемая жажда жизни и риска. Он язвителен, остёр на язык, презирает политические игры и дипломатические раскладки, предпочитая им шумные заведения, азартные игры, опасные сделки и компанию людей, у которых нет гербовых печатей. При этом он далеко не глуп: его бунт — это не глупость, а сознательный выбор человека, который вовремя понял, какую цену семья платит за власть, и отказался платить свою жизнь. Его без проблем отпустили учиться за границу, сквозь пальцы смотрели на шумные компании и постоянные разъезды. Власть и клановые интри-

ги его отталкивали, что подпортило отношения с родителями, но пропустить этот день он не мог. Торн был для него не просто братом, а едва ли не единственным настоящим другом. На Рейноре был простой черный костюм без деликтов — он словно нарочно стремился слиться с интерьером. Глядя на алтарь, он ощущал не зависть или горечь, а глубокое облегчение: Торн женился, Торн — официальный преемник, а значит, сам Рейнор может и дальше спокойно оставаться в тени.

Слева от алтаря расположился клан Марн. На переднем крае замер Торвин Марн — отец невесты. Ни одного лишнего движения, сканирующий хваткий взгляд. Ни отцовской гордости, ни тепла — только сухой, ледяной расчет. Свадьба для него означала закрытие главной сделки в жизни: союз с Вейнами открывал доступ к горным перевалам, а перевалы давали контроль над всем Тенебрисом. Когда Селина шла по проходу, Торвин едва заметно поморщился — не от волнения за дочь, а от досады, что она шаг за шагом тянет время.

«Быстрее, — глухо пробормотал он про себя. — Мы теряем драгоценные минуты».

Рядом опустив голову сидела Мирасса Марн, мать Селины. Ее пальцы нервно сжимали веер. Она любила детей, но панически боялась мужа, понимая: перечить Торвину — значит мгновенно разрушить хрупкий мир в доме. Поэтому

она молчала. Она просто смотрела на дочь и мысленно молила: *«Прости меня. Прости, что не могу тебя защитить»*.

Чуть позади родителей расположился Дрейс Марн, брат невесты. Высокий, подтянутый, с непроницаемым лицом. Он любил сестру и видел ее чувства к Торну, но сам выбор отца не одобрял — хотя пойти против его воли не смел. Скользнув взглядом по Селине, Дрейс переключился на Каруса и его свиту, привычно анализируя каждого присутствующего: кто слишком часто моргает, кто держит руку у полы пиджака. Дрейс умел просчитывать риски. И он понимал: если этот союз принесет Марнам слишком много власти, начнется бойня, в которой пострадает весь их род.

«Не сиди столбом, следи, чтобы никто не подошел к невесте без моего приказа», — процедил Торвин, не оборачиваясь. Дрейс едва заметно кивнул. Он и так делал это — и готов был сделать большее.

А в тени одной из центральных колонн замер Ваэрин Марн — кузен и правая рука главы клана. В его глазах горела не просто настороженность, а чистая, с годами ставшая монолитной ненависть к Вейнам. По их вине его отец — дядя Селины — гнил в тюрьме. Официально — за контрабанду, на деле — за то, что встал на пути у Каруса. Ваэрин жил лишь мечтой об отмщении. Селину он любил и не желал ей зла, поэтому сейчас с трудом давил в себе желчь. Он делал

вид, что помогает Торвину и поддерживает перемирие, а сам до боли сжимал кулаки в карманах: *«Празднуйте. Завтра я напомню вам, что Марны не забывают долгов»*.

Священник развернул древний фолиант. Слова ритуала, давно ставшие в Тенебрисе формальной юридической формулой, сегодня звучали мягче — словно сам древний гранит решил поверить в происходящее:

— Перед лицом города и кланов, перед лицом хранящих нас теней и связывающей нас крови: клянетесь ли вы хранить верность друг другу, беречь общий дом и не отступать, пока бьются ваши сердца?

Торн повернулся к Селине. Впервые за вечер он посмотрел на нее прямо — долгим, лишенным защитной брони взглядом. А затем произнес клятву. Тихо, весомо, так, что каждое слово прозвало в тишине подобно брошенному в воду камню:

— Я беру тебя. Как есть. Навсегда.

Селина ответила столь же четко, но в ее голосе едва уловимо дрогнула струна, которую различили лишь стоящие рядом:

— Я иду с тобой. Как есть. Навсегда.

Священник воздел руки, и в Соборе вспыхнул ровный,

теплый свет сотен свечей — будто где-то в вышине наконец распахнули тяжелые ставни.

— Отныне вы едины. Да хранит вас Тенебрис.

Торн протянул ладонь, и Селина накрыла ее своей. Впервые за весь бесконечный день они искренне, открыто улыбнулись друг другу — без фальши, расчетливости и чужих ожиданий.

Карус Вейн медленно поднялся со своего места. Его аплодисменты прозвучали громко, как сигнал к началу новой эпохи. Лира встала следом, позволив себе сдержанный кивок — одобрение, стоившее больше любых громких фраз. Вслед за ними поднялись Марны. Мужская половина гостей обменивалась тяжелыми, испытывающими взглядами. Торвин тщетно пытался поймать взгляд Каруса, которому не было до него дела; Дрейс непрерывно сканировал реакцию Вейнов, ждав подвоха.

Своды Собора взорвались овациями. Мираэль бросила букет, и лепестки белых цветов дождем опустились на плечи новобрачных. Тарисса хлопала размеренно, словно отсчитывая ритм. Рейнор присоединился к аплодисментам — негромко, но с открытой душой. И лишь Ваэрин в тени колонны стоял не шелохнувшись, все сильнее сжимая пальцы. Счастье, светящееся в глазах Селины, казалось ему дикостью

и отзывалось внутри глухой обидой.

В глубине зала вспыхнула матрица смартфона. Короткий щелчок камеры запечатлел витраж, жениха и невесту, море свечей, белые лепестки и древний гранит. Кадр получился безупречным — словно идеальная открытка, отправленная в будущее.

Вот только никто в Соборе еще не знал, что это будущее окажется куда короче, чем они рассчитывали.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.